

A historical illustration in a monochromatic style. On the left, a man in a military uniform with a peaked cap stands with his hands clasped. In the center and right, a large crowd of people in 19th-century attire is gathered. In the background, there are grand classical buildings with columns and pediments. The overall scene suggests a public event or a significant moment in Russian history.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А.Н. САХАРОВА

ИСТОРИЯ РОССИИ

ОТ АЛЕКСАНДРА I
ДО НИКОЛАЯ II

ОГЭВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА, 2026

УДК 94(470+571)"19"
ББК 63.3(2)5
И90

*Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается*

Иллюстрация на обложке: Г. Диттенбергер.
Благодарность русского народа императору Александру II
за освобождение крестьян. 1861. Частная коллекция

Автор:
докт. ист. наук А.Н. Боханов
(раздел VII, глава 42–51; раздел VIII глава 52–55)
Под редакцией член.-кор. РАН А.Н. Сахарова

И90 **История России. От Александра I до Николая II / А.Н. Боханов : под ред. А.Н. Сахарова. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с.+ [16 с. ил.]. — (Подлинная история России).**

ISBN 978-5-17-180605-7

«История России. От Александра I до Николая II» включает 7–8 разделы из фундаментального труда под редакцией доктора исторических наук, профессора А.Н. Сахарова, и является продолжением «Истории России. С древнейших времен до Смутного времени» и «Истории России. От первых Романовых до Павла I».

Данное издание детально анализирует события XIX — начала XX века, одного из самых динамичных и переломных периодов в истории Российской империи: от либеральных устремлений Александра I, Отечественной войны 1812 г. и движения декабристов до правления Николая II, бурной индустриализации, обострения социальных противоречий и нарастания революционного движения. Ключевые события включают Русско-японскую войну и первую русскую революцию 1905–1907 годов, которые стали предвестниками грядущих глобальных потрясений.

Этот труд предлагает глубокий анализ трансформации России от постреформенной к предреволюционной эпохе, которая в итоге привела империю к краху.

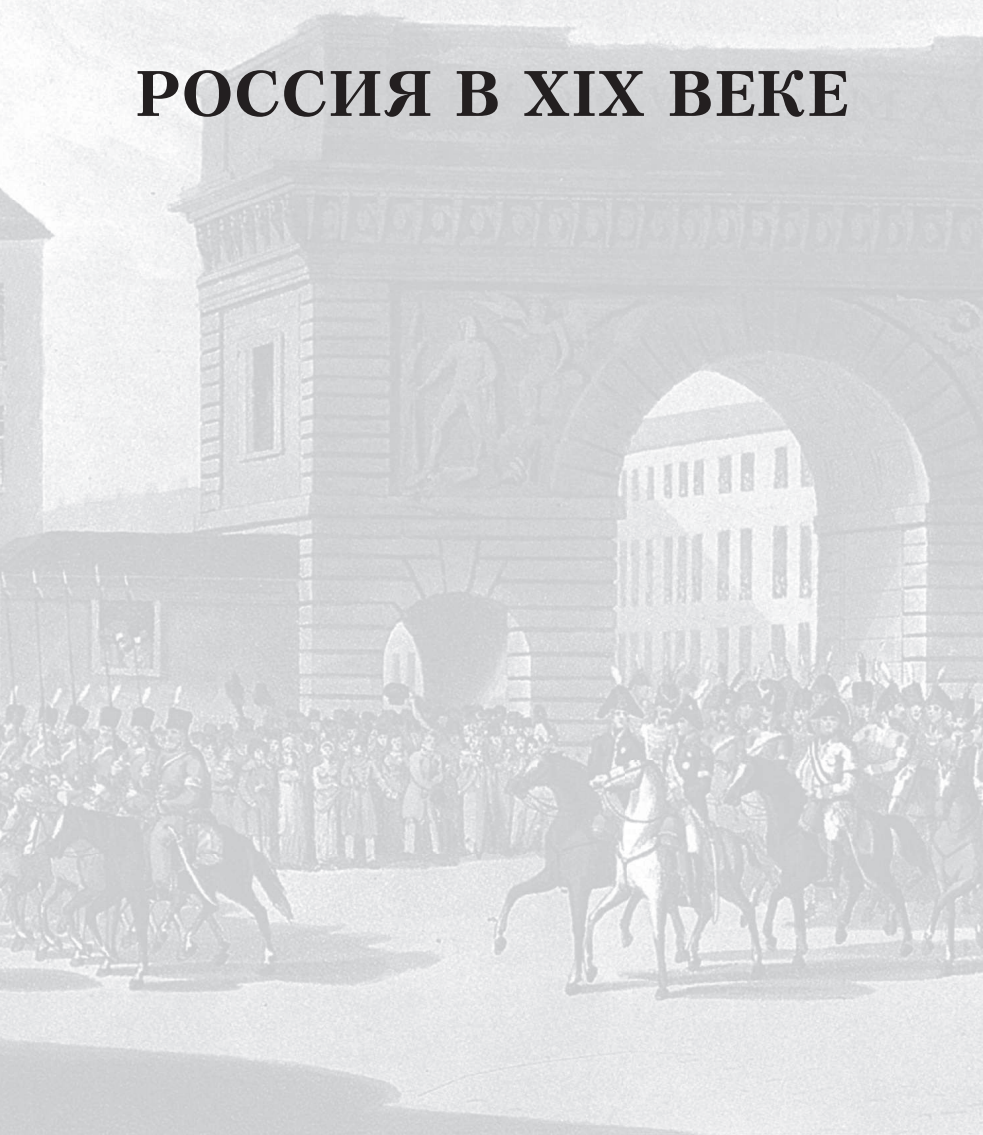
**УДК 94(470+571)"19"
ББК 63.3(2)5**

ISBN 978-5-17-180605-7

© А.Н. Боханов, А.Н. Сахаров, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Раздел VII

РОССИЯ В XIX ВЕКЕ

Глава 42. Россия в первой четверти XIX века

§ 1. Россия на рубеже веков

К началу XIX в. Россия превратилась в одно из самых больших и сильных государств Европы. Уже в течение нескольких десятилетий она имела статус великой европейской державы. Этот статус она сохранила и к моменту захвата власти Александром I.

Величие страны, во-первых, состояло в ее огромной территории. Границы России простирались от предгорий Карпат, от границ с Австрийской империей и Пруссией до Камчатки, берегов Тихого океана, от побережья Белого моря и Северного Ледовитого океана до берегов Крыма и Кавказских гор. Россия включила в свой состав почти все земли Древнерусского государства, овладела Литвой, польскими землями, значительной частью Балтийского побережья. Вместе с тем в состав России вошли крупные, построенные из камня города, морские порты с развитой мануфактурой, промышленностью, верфями, хорошо налаженными связями со странами Центральной и Северной Европы. России принадлежали обширные пространства Сибири, вплоть до границы с Китаем, которая проходила по Амуру.

По количеству населения Россия также находилась на одном из первых мест в Европе. В ее новых границах теперь проживало почти 44 млн человек. В состав империи вошли густонаселенные польские, литовские, прибалтийские, украинские, белорусские земли. Люди, жившие здесь, прошли иную цивилизационную «школу», чем российское население. На этих территориях жители, особенно в городах, были более свободны. Их уровень образования, общей культуры, особенно в Прибалтике, Литве, на бывших польских территориях, был значительно выше, чем даже в русском центре. Это благотворно сказывалось на общих цивилизационных сдвигах России.

Уникальной особенностью России являлся многонациональный состав ее населения. Идущий из глубины веков, к началу XIX в. он стал еще более многообразным. К прежним народам Поволжья, Приуралья, Севера, Сибири, Дальнего Востока присоединились обитатели западных российских губерний, а также переселенные в Новороссию и на Волгу зарубежные, в первую очередь немецкие, колонисты. Одновременно Россия все более превращалась в многоконфессиональное государство, в котором мирно уживались православие, католицизм, протестантство, мусульманство, буддизм, а у некоторых народов Севера, Сибири, Дальнего Востока — язычество.

Все это делало страну удивительно многообразной по своим хозяйственным, духовным, культурным особенностям. Взаимодействие и взаимосвязь народов оказывали сильнейшее влияние на разнообразие производственной деятельности, овладение многонациональными культурными ценностями на развитие в российской среде черт стихийного, народного интернационализма. Это находило яркое отражение в процессе продолжающейся обширной внутренней колонизации страны, осуществляемой в тесной взаимосвязи многих участвовавших в этом процессе народов.

Россия выделялась крупными городами с десятками тысяч людей. Это — Санкт-Петербург, Москва, Вильно, Рига, Нижний Новгород, Ярославль, Тобольск и некоторые другие. Они, особенно две российские столицы, отличались

масштабами, красотой частных и общественных зданий, храмов. Санкт-Петербург с его одетыми в гранит набережными, великолепными дворцами, садами, каналами, с замечательными архитектурными ансамблями как в самом городе, так и в пригородах — в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Гатчине, Ораниенбауме — стал поистине жемчужиной Европы, не уступая по красоте и блеску Парижу, Вене, Лондону, знаменитым итальянским городам.

К рубежу XVIII — XIX вв. Россия превратилась в одну из крупнейших промышленных и торговых стран.

По-прежнему мощным промышленным центром оставались металлургический, горнорудный Урал, металлический район Тулы. Крупные мануфактуры разных профилей работали в ведущих городах страны. Общий вклад в промышленное состояние империи вносили и дворянские мануфактуры. К началу XIX в. вольнонаемный труд рабочих, мастеров, то есть труд наиболее заинтересованных в производстве свободных работников, на котором держался промышленный прогресс страны, составлял уже значительную и неотъемлемую часть российской промышленности. Не случайно отрасли промышленности, использующие в основном наемный труд, в первую очередь текстильная, развивались особенно быстро. Постепенно Россия становилась в ряд тех промышленных стран Европы, предприятия которых, освобожденные от государственного надзора, экономических подпорок, свободно и самостоятельно двигались вперед людьми разных сословий — купцами, мещанами, разбогатевшими крестьянами, бывшими военными и даже дворянами, почувствовавшими вкус и выгоду подлинного свободного предпринимательства на основе вольнонаемного труда и новой техники. Именно они стали основной частью складывавшегося среднего класса, буржуазии, предпринимателей.

К началу нового века российская торговля встала на прочные европейские рельсы. Через балтийские и черноморские порты шел активный экспорт российской продукции, осуществлялся ввоз иностранных товаров. Свою роль в этом процессе играли города, обращенные своими связями на Восток, — Астрахань, Оренбург, Тобольск.

Превращение России в огромную империю привело к дальнейшему развитию в стране внутреннего рынка. Разнообразию и экономической особенностью регионов властно требовали усиления торгового обмена между ними. К прежнему разделению страны на земледельческий Юг и промышленный и промысловый Север прибавились новые регионы — развивающиеся и колонизируемые Новороссия и Крым, колонизируемые Сибирь, Северный Кавказ, промышленно развитые земли Прибалтики. Все они в соответствии со своими особенностями и потребностями вовлекались в общий всероссийский торговый оборот, освобожденный от прежних уз внутренних таможенных перегородок и стянутый воедино обширной унитарной централизованной империей.

С каждым годом расширялся объем сделок на российских ярмарках, среди которых ведущее место заняла перенесенная в Нижний Новгород Макарьевская ярмарка. В начале XIX в. в стране заработали Мариинская и Тихвинская водные системы со вновь построенными каналами, шлюзами. Они еще прочнее сомкнули южные регионы страны, Волжско-Окский бассейн с Севером, с Балтийским побережьем. Усиленно эксплуатировались речные пути, которые в это время в период навигации оставались наиболее быстрыми и удобными путями передвижения грузов на большие расстояния. Все большее количество обозов тянулось из города в город, к ярмарочным центрам, в любое время года по грунтовым дорогам с ранней весны до поздней осени, а потом уже зимним санным путем зимой.

Мощь государства определялась не только обширностью территории, количеством населения, экономическим развитием, но силой государственного устройства, а также военной силой.

К началу XIX в. Российское государство обрело, после серии дворцовых переворотов, разложения государственной системы иностранными фаворитами, авантюристами, прочный абсолютистский каркас. Опираясь прежде всего на дворянство, а также на поднимающуюся буржуазию — крупных предпринимателей, купечество, монархия сумела

нормализовать обстановку в стране, провести важные реформы центрального и местного управления, предпринять сдвиги в области культуры и просвещения. В системе управления, в руководстве армии сложился воспитанный десятилетиями слой просвещенных, патриотически настроенных командиров, которые на первый план в своей жизни ставили интересы Родины, России. Петровское беззаветное служение Российскому государству получило в лице блестящей плеяды администраторов, полководцев к началу XIX в. яркое и масштабное воплощение. Именно на них держалась система российской бюрократии, жесткая управленческая централизация страны и, в конечном итоге, сама абсолютистская власть российских монархов. Восстания «низов» общества против существующих порядков не только не поколебали российскую государственную систему, но во многом сплотили ее и объединили вокруг центральной власти все лояльные власти слои населения, в том числе и значительные слои государственных крестьян, вольнонаемных рабочих людей, городское население. Так называемые царистские настроения в народе, как это показала вскоре эпоха Александра I, не только не покачнулись, но, напротив, к рубежу XVIII — XIX вв. еще более укрепились.

Каждая великая держава в истории прежде всего характеризовалась мощной военной машиной, сильной и современной для своего времени армией. Россия не была здесь исключением. Свою роль как великой державы она возвестила еще при Петре I, создав первоклассную, самую мощную по численности и вооружению армию в Европе, и одержала с тех пор ряд впечатляющих побед.

К началу XIX в. это была армия, за плечами которой числились блестящие победы над турками и Крымом, над армией прусского короля Фридриха Великого, шведами, над поляками и французами. Эта армия форсировала Дунай и продвинулась на Балканы, с боями прошла из Прибалтики в сердце восточнонемецких земель и овладела Берлином, победоносно пронесла русские знамена почти через всю Италию и Швейцарию. Это была армия Салтыкова и Румянцева, Потемкина и Суворова. В начале XIX в. плеяда замечательных

командиров возглавляла русские войска. То были молодые соратники, сподвижники и ученики Румянцева и Суворова — Кутузов, Багратион, Милорадович и другие, кому вскоре предстояло испытать военную чашу в тяжелую годину противоборства с военным гением Наполеона Бонапарта.

Российский Балтийский и Черноморский флоты к этому времени также не знали поражений и прославили себя в боях со шведами, турками, французами. Имена Спиридова и Ушакова стали гордостью российского флота.

В годы Павла I, почивая на лаврах старых побед, русская армия вновь была взбодрена крутой требовательностью строгого к армейской выучке императора. Организационную основу армии, ее вооружение и снабжение прочно держал в руках талантливый, честный и требовательный артиллерийский генерал Аракчеев, ставший незаменимым помощником по военной части сначала Павла I, а потом и Александра I. Этой армии по плечу были самые масштабные и сложные задачи. Именно ее существование и привело к такой ситуации, когда, как говорили, ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без разрешения Петербурга. Особенно это становилось очевидным на фоне угасающей военной мощи Австрийской империи и еще лишь набирающей свои обороты прусской военной машины.

Но в начале XIX в. приближались другие времена. На западе континента вырастала новая империя Наполеона, создавшая одну из сильнейших в Европе народных армий, ведомой прославленными полководцами во главе с самим Бонапартом. По существу, европейский мир становился, как мы говорим сегодня, «биполярным», то есть две самые сильные державы Европы претендовали на преимущественное положение на континенте, а потому рано или поздно должны были столкнуться друг с другом.

Однако Россия как великая держава рубежа XVIII–XIX вв. обладала в первую очередь лишь силовыми и количественными показателями. Она, как устрашающий колосс, возвышалась на Востоке Европы, могучая своей территорией, количеством населения, мощной в первую очередь

военной промышленностью, сильной централизованной властью, определенным единством страны, великолепной армией.

Но эти показатели по мере развития европейской цивилизации все определенной становились качествами вчерашнего дня. Передовые страны Европы, и в первую очередь Англия и Франция, все больше обеспечивали статус великих держав за счет совсем иных свойств.

Экономическая и военная мощь этих стран основывалась на развитии гражданского общества, прав и свобод человеческой личности, на современных политических, в первую очередь конституционных, институтах парламентаризма. Конечно, облик новой Европы лишь складывался. Европейские страны продолжали осуществлять колониальные захваты, в США процветал рабский труд, впереди вырисовывалась жесткая имперская диктатура Наполеона, приостановившая надолго становление гражданского общества во Франции. Но тем не менее процессы развития буржуазного общества с его демократическими институтами и становлением личности в центр внимания государства и общества были необратимы. Европа, прошедшая в свое время этапы Возрождения, Реформации, эпоху Просвещения, теперь сквозь революции, новые войны, кровь и страдания, медленно, неравномерно, но все же неодолимо двигалась к гражданскому обществу.

Именно его контуры во многом определяли уже в начале XIX в. величие той или иной страны.

В России же на рубеже XVIII — XIX вв. общий строй жизни во многом оставался повернутым не в будущее, а в прошлое. Незыблемой оставалась абсолютная монархия. По-прежнему, как писал российский государственный деятель первой трети XIX в. М. М. Сперанский, в России свободными были лишь философы и нищие. Все и вся преклонялись перед властью императора. Демократический принцип разделения властей для России начала XIX в. оказался еще недостижим, хотя в верхах русского общества он был хорошо известен и имел своих приверженцев даже в императорской семье. Так, об этом всерьез задумывался наследник престола

Александр Павлович в пору своего юношеского увлечения идеалами просветительства и конституционализма.

Российская бюрократия, сформировавшаяся в течение XVIII в., к рубежу нового столетия стала колоссальной самодовлеющей силой. Вскормленная на традициях еще приказных, дьяческих времен, она впитала давние привычки раболепства перед высшими и унижение нижестоящих, небрежение и презрение к человеку. Эта черта российской бюрократии резко выделяла ее из среды себе подобных чиновничьих структур западных стран. Именно эта сила стала со временем мощной опорой абсолютистской власти российских монархов, определяла во многом цивилизационный уровень российской государственности. Гоголевские персонажи «Ревизора» дали блестящее художественное воплощение ее характерных черт.

В соответствии со средневековыми канонами в России продолжал существовать сословный строй. Правда, его очертания со времен Петра I стали значительно размываться. Образовался средний класс, впитывавший в свой состав представителей разных сословий. Столь же многочисленным был и складывающийся состав вольнонаемных рабочих. Дворянство в соответствии с Табелью о рангах заметно потеряло свои исключительные обособленные черты. И все же и дворянство, и купечество, и духовенство, и крестьянство являли собой во многом закрытые, обособленные корпорации со своими правами для одних и обязанностями (при минимальных правах) для других. По-прежнему дворянство, духовенство, в значительной степени предприниматели, крупное купечество оставались вне налогового пресса государства. Из представителей этих сословий формировались все государственные структуры, выкристаллизовывалась культурная, интеллектуальная элита общества. Открытая состязательность умов, талантов, представлявших народ в целом, оставались для России за семью печатями. Это ни в коей мере не могло характеризовать Россию в качестве великой державы.

В стране по-прежнему господствовала крепостная система. Из 30 млн крестьян 50% являлись крепостными.

Несмотря на робкие попытки Павла I ограничить крепостной труд, дворянство черноземной полосы саботировало правительственный указ о трехдневной барщине в неделю и крестьян принуждали к работе в господском хозяйстве до пяти дней в неделю. А это означало, что аграрный сектор страны в основном базировался на подневольном труде. Даровой труд разлагал помещичьи хозяйства: хозяева не были заинтересованы в подлинном прогрессе сельского хозяйства.

Бесконечными ограничениями, сословной неполноправностью характеризовалось и положение государственных крестьян. Отходничество лишь в некоторой мере делало отношения в аграрной сфере более свободными, динамичными. Но это была заслуга не системы, а приспособляемости самих крестьян, которые бились в ее тенетах и старались к ней адаптироваться. Разрывали эти путы и становились людьми богатыми и свободными лишь немногие. Мощь российской тяжелой промышленности в основном также держалась на подневольном труде «приписных» и «посессионных» крестьян. Дворянские мануфактуры, винокуренные заводы также использовали труд своих крепостных работников.

Все это приводило к тому, что значительные трудовые ресурсы страны были прикованы к земле, к деревне. И даже система отходничества лишь незначительно меняла общую обстановку. «Отходники», оброчные крестьяне, подавались на заработки в города с разрешения своих хозяев или сельских властей, были теми же подневольными людьми. Они были вынуждены платить оброк помещику или государству; все их корни, хозяйственные заботы семьи находились в деревне. Практически потомственных профессиональных рабочих, оторванных от земли, в России оказывалось ничтожно мало, чтобы вывести экономику страны на новый цивилизационный уровень.

Вся жизнь как крепостных, так и государственных, а также других категорий крестьян регулировалась правилами, традициями, обычаями дошедшей из глубокой древности и почти исчезнувшей в западных странах крестьянской общины. Ее наличие вполне соответствовало общему политическому и экономическому уровню России, являлось

составной и неотъемлемой частью российской жизни. Общинные начала щупальцами притягивались в города, на мануфактуры и заводы вместе с пришедшими сюда отходниками, создавая здесь деревенско-общинный фон.

При таких условиях российская экономика — и сельское хозяйство, и промышленность — были обречены на отставание от стран, перешедших к буржуазному строю. Таким образом, в этой области жизни страны величие и признаки великой державы являлись для России весьма проблематичными.

Сложным было положение и с территориальными характеристиками России. Одним из показателей цивилизационного развития страны является плотность населения. В России она была самой низкой в Европе. Если в наиболее развитых центральных губерниях она составляла 8 человек на 1 кв. версту (в Европе эта цифра достигала 40–50 человек), то в большинстве губерний юга, северо-востока, востока она равнялась 7 чел. на 1 кв. версту и даже меньше. Огромные территории Сибири и Дальнего Востока были вообще малонаселенными. Поселения здесь появлялись лишь вдоль бесконечного Сибирского тракта.

Вхождение в состав России ряда территорий Северного Кавказа, Казахстана, кочевых пространств Нижнего Поволжья, Сибири (в отличие от высокоразвитых для того времени районов Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии) не только не содействовало общему цивилизационному развитию страны, но напротив, в целом отбрасывало Россию назад, так как большинство обитателей этих пространств жило на уровне родоплеменных отношений, а основным занятием многих из них оставалась охота или кочевое скотоводство. Выдающаяся цивилизующая роль России в этих районах оборачивалась огромными потерями для страны, несмотря на прирост территорий, населения, увеличение налогов в виде ясака и появление в составе русской армии военизированных конных формирований ряда восточных и северокавказских народов. «Евразийская ось» России благодаря этому все более отклонялась к Востоку.

Это же относится и к освоению вновь присоединенных территорий на Юге. Освоение Новороссии и Крыма, постройка здесь новых городов, портов, создание Черноморского флота требовали в течение полутора десятилетий больших затрат и напряжения сил государства, возможно, сравнимых с освоением безлюдных пространств на Северо-Западе в ходе и после Северной войны.

Вхождение в состав России и освоение этих территорий коренным образом отличалось от внешне аналогичных процессов на Западе. Так, захват колоний и их освоение протекали вне территорий метрополий тех же Англии, Франции, Голландии. В России эти территории не являлись колониями: они становились органической частью страны со всеми плюсами и минусами такого состояния. Все это не способствовало на этапе рубежа XVIII — XIX вв. процветанию страны.

Многонациональный состав России, большие цивилизационные различия в уровне развития отдельных регионов страны также не содействовали общему продвижению вперед.

Наконец, следует сказать и о развитии в России городской жизни, этом одном из признаков цивилизации Нового времени. При всем блеске российской столицы, значительном влиянии на экономику, культуру, духовную жизнь страны крупных городов, о которых шла речь выше, общая численность городского населения в России была крайне низкой — всего около 7%. Большинство же российских городов относилось к категории малых. В их по преимуществу одно- и двухэтажных деревянных домах протекала дремотная, полудеревенская жизнь. Люди здесь запахивали окружающие земли, держали огороды, разводили сады, по утрам пастухи звуками своих рожков и хлопаньем кнутов оповещали заспавшихся обывателей о том, что пора отправлять на выпас коров, коз, овец. Свиньи, гуси, утки, куры были полными хозяевами немощенных, поросших травой городских улиц. Да и окраины крупных городов мало чем отличались от жизни малых городов: немощенные улицы плавно переходили в грунтовые дороги, которые связывали города друг с другом. Чтобы добраться по таким дорогам из центра

страны, скажем, в Одессу, требовались долгие недели, а время пути до Якутска исчислялось тремя годами. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, оставленное в наследие потомкам, стало не только программной книгой радикально и антиабсолютистски настроенной части российского общества, но и прекрасным описанием быта и нравов российской жизни в самом центре страны.

§ 2. Первые годы правления Александра I

Именно с этой великой и одновременно отсталой во многих отношениях Россией, страной, которая, казалось, была соткана из сплошных противоречий, и пришлось иметь дело Александру I, пришедшему к власти в ходе дворцового переворота 11 марта 1801 г.

Судьба предоставила ему возможность претворить в жизнь свои юношеские идеалы, воспитанные в нем Лагарпом, ответить на вызов времени и приступить, наконец, к конституционным нововведениям в России, а также поставить самый болезненный в стране вопрос об отмене или, по крайней мере, об ограничении крепостного права.

Первые годы правления Александра I показывают, что он предпринял ряд мер по части либерализации российской жизни. Во-первых, это отвечало его неоднократным и настойчивым высказываниям о необходимости коренных перемен в жизни страны.

Так, еще за несколько лет до переворота и устранения Павла I он в своих письмах к Лагарпу и своему другу графу В. П. Кочубею резко критически отзывался о состоянии дел времен Екатерины II и Павла I. Так, в письме к Кочубею он писал: «В наших делах господствует невообразимый беспредел; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов». В письме же к Лагарпу в период Павла I он сообщал: «Военные почти все время теряют исключительно на парадах. Во всем прочем решительно нет никакого строго определенного плана. Сегодня приказывают то, что через месяц будет уже отменено. Доводов